

МОРИ
ОГАЙ

森鷗外

ТАНЦОВЩИЦА

Москва

УДК 821.521-32
ББК 84(5Япо)-44
М79

Перевод с японского *Галины Ивановой*
и *Бориса Лаврентьева*

Оформление обложки *Ксении Трусовой*

Мори, Огай.

М79 Танцовщица / Огай Мори ; [перевод с японского Г. Ивановой, Б. Лаврентьева]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-240595-2

Мори Огай — до сих пор один из самых популярных авторов в Японии. В сборнике представлены произведения в жанре романтизм, основоположником которого Огай был в своей стране. А также исторические повести и рассказы, ставшие в некотором роде энциклопедией самурайской жизни и быта.

Среди рассказов на страницах книги вы найдете автобиографическую повесть. Молодой японец приезжает по работе в Германию и случайно встречается с хорошенькой танцовщицей. Общество осуждает их связь, а тем временем девушка понимает, что беременна...

Не менее захватывающие и исторические произведения. Князь на смертном одре. Вассалы, пришедшие с ним проститься, просят разрешения на совершение харакири. Тех, кому господин откажет в своей милости, ждет родовой позор.

УДК 821.521-32
ББК 84(5Япо)-44

© Иванова Г. Д., перевод на русский язык, 2026

© Лаврентьев Б. П., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-240595-2 ООО «Издательство «Эксмо», 2026

МОРИ ОГАЙ И ЕГО ВРЕМЯ

Мори Огай (1862–1922) — одна из наиболее значительных фигур в японской литературе на рубеже XIX и XX веков, наряду с Нацумэ Сосэки и, может быть, Акутагавой Рюноскэ, выступившим на литературной арене примерно на два десятилетия позже того и другого.

Время, в которое жил Огай, было наполнено для его страны значительными переменами. Родился он в небольшом городке Цувано на западе острова Хонсю. Как раз к тому времени, когда он пошел в начальный класс местного училища Ерокан, произошла буржуазная революция Мэйдзи¹ (1868). Военно-феодальный режим Токугава был низвергнут, но последствия двух с половиной веков его правления чувствовались в стране. Стремясь избежать колониальной за-

¹ В феврале 1868 г. был свергнут феодальный дом Токугава и восстановлена власть императора. Время правления императора Муцухито (1868–1912) получило наименование эпохи Мэйдзи (буквально: «Просвещенное правление»).

висимости, в которой оказались тогда многие страны Азии, правительство Токугава с начала XVII века почти наглухо закрыло двери страны для иностранцев, равно как и выходы за рубеж для собственных граждан. За эту крутую политику японцы расплачивались отсталостью — в стране господствовал ручной труд, а утонченная гуманитарная культура, развивавшаяся в условиях островной замкнутости, составляла достояние весьма узкого элитарного круга при императорском дворе.

Наиболее проницательные умы Японии уже давно рвались из оков средневековых пережитков, протестовали против строгой регламентации всех сфер деятельности. Революция Мэйдзи развязала многие узлы, перед страной открылись новые возможности, и она стала быстро, даже лихорадочно модернизироваться. Протекала эта модернизация преимущественно путем приобщения к цивилизации более развитых стран Запада. Японцы стали интенсивно ездить в Европу и приглашать к себе иностранных учителей.

Отец Огая служил лекарем при своем феодале — князе Цувано. Огай, как и полагалось старшему сыну в семье, пошел по его стопам — поступил на медицинский факультет Императорского университета в Токио. Уже в девятнадцать лет он оказался в числе первых выпускников, его незаурядные способности были замечены наставниками. Вскоре он был командирован на стажировку в Германию, где ему посчастливилось

заниматься у знаменитых профессоров — Р. Коха, Р. Вирхова, М. Петтенкофера. Четыре года немецких университетов (1885–1889 гг.) явились для него временем подлинного становления.

Специализировался он в области санитарии и гигиены. Но всем предшествующим воспитанием (он с детства изучал китайский, голландский, немецкий языки), энциклопедизмом своих предков, сочетавших врачебную и книжно-конфуцианскую ученость, он был подготовлен к необходимости постижения как естественно-научного, так и гуманитарно-литературного знания. Уже в первый год пребывания в Берлине он собрал библиотеку из ста семидесяти томов, среди которых были Эсхил и Софокл, Еврипид и Данте, Гёте и Ибсен... Позже он отмечал поразительное сходство во взглядах китайских и европейских мыслителей и литераторов.

В Берлине Огай полюбил голубоглазую немку Элизу. Брак с иностранкой представлялся в те годы практически невозможным, друзья и семья взывали к его «благоразумию», и Огай вынужден был расстаться с девушкой. Воспоминание об утраченной возлюбленной Огай пронес через всю жизнь, оно щемящей нотой прошло через многие его произведения. В дальнейшем Огай дважды женился по семейному сватовству, имел четверых детей, но ни первый, ни второй брак не принес ему счастья.

Личная любовная драма легла в основу его дебютной повести «Танцовщица» (1890). Точного воспроизведения обстоятельств его собственной

жизни она не содержала, из-под пера начинающего мастера вышла как бы обобщенная исповедь целого поколения японцев эпохи Мэйдзи. В ней нашли отражение проблемы, возникавшие при соприкосновении с западным миром. Итак, молодой японец возвращается домой, оставив в Германии женщину, ожидающую ребенка; неутешная Элиза теряет рассудок. В следующем рассказе «Пузыри на воде» Огай повествует о романе между приехавшим в Мюнхен японским художником и натурщицей Мари, в этом случае девушка гибнет в волнах озера. В этих романтических и немного сентиментальных произведениях рассказано о трагических коллизиях, нередко возникавших при первых контактах японцев с Западом. Герои бичуют себя за неспособность к ответственным решениям, за свою зависимость от традиционного воспитания, от взглядов своей среды. В них также нашел отражение процесс становления «современной личности» в тогдашних условиях страны.

Творческий дебют Огая состоялся в ту пору, когда японская литература оказалась на распутье. С наступлением новой, капиталистической эпохи ее прежняя, чисто развлекательная функция утратила свою силу, новые же функции нащупывались не одно десятилетие. Определяя назначение литературы в буржуазном обществе, одна часть мыслителей высказывалась за ее автономность, самостоятельную эстетическую ценность, другая же часть (особенно авторы расцветших в 1880-е гг. так называемых политических рома-

нов) была убеждена в просветительском и даже агитационном ее назначении.

В начале 1890-х гг. между Огаем и одним из ведущих тогдашних профессоров-гуманитариев Цубоути Сёё (1859–1935) разгорелась дискуссия, она велась на страницах журналов «Сигарами соси» (Запруда) и «Васэда бунгаку» (Литература университета Васэда). Сёё высказывался в пользу точного отображения литературной жизни, его принципы в дальнейшем были подхвачены представителями натуральной школы (*сидзэн-сюги*). Что же касается Огая, то он видел главное достоинство всякого искусства в утверждении этических и эстетических идеалов. Диспут, по существу, знаменовал размежевание между сторонниками утилитарно-реалистического и идеально-романтического направлений. В изящной словесности прежних времен эти начала выступали как бы в слитной форме.

Теоретические доводы Цубоути Сёё на первый взгляд выглядели прогрессивнее, однако художественная практика Огая продемонстрировала более убедительные результаты — единственный роман Цубоути Сёё «Нравы школяров нашего времени» (1885) был очень скоро забыт.

С течением времени, по мере изменения обстановки в стране менялись и приоритеты Огая, волновавшие его темы претерпевали естественную трансформацию. Буржуазное государство набирало мощь, освобождалось от неравноправных договоров с западными державами. Постепенно японцы избавлялись от «комплекса неполноцен-

ности», их даже стало обуревать «чувство превосходства» — во всяком случае, над соседними азиатскими народами. Едва избавившись от необходимости обороняться от западной экспансии, они сами, вернее, их уже ставшее империалистическим государство вступило на путь агрессии.

Как военному врачу, Огаю пришлось участвовать в двух несправедливых войнах — с Китаем в 1894–1895 гг. и с Россией в 1904–1905 гг. Значительную часть японского общества охватила тогда эйфория победы над континентальными колоссами. Прямо критиковать милитаристский курс своего правительства генерал, состоявший на действительной службе, конечно, не мог. Но, к чести его надо сказать, что и ни единым словом восхваления его он себя не запятнал. Шовинистический угар охватил тогда немало его литературных современников, его же душа разрывалась на части от противоречий между положением военного сановника и взглядами писателя-гуманиста.

Существуют прямые и косвенные свидетельства его разногласий с начальством. Достаточно сказать, что в самом начале 1900-х гг. его с понижением в должности отправили служить в далекий провинциальный гарнизон на остров Кюсю; пребывание в городке Кокура сам он расценивал не иначе как ссылку.

Оторванность от привычного образа столичной жизни, а также внутренняя раздвоенность ввергли его в творческий кризис. На Кюсю он почти ничего не написал, занимался главным

образом переводами немецких и скандинавских авторов. Большой успех у читателей имел, в частности, переведенный им тогда роман Г.-Х. Андерсена «Поэт-импровизатор».

1910 год печально ознаменован такими акциями японского государства, как аннексия Кореи и подавление внутри страны народно-демократического движения «хэймин-ундо». По сфальсифицированному обвинению в подготовке террористического акта против императора был казнен публицист-социалист Котоку Сюзуй (1870–1911) и десять его сподвижников. Эта неслыханная в новое время жестокость всколыхнула многих свободомыслящих японцев и даже мировую общественность (с протестами выступали А. Франс, М. Горький). О позиции Огая можно судить по произведениям, которые он написал в тот период. Рассказы «Игра», «Фасции», памфлет «Башня молчания» (все — 1910 г.) содержали в себе довольно прозрачную иронию по адресу установившихся политических реалий. Звучали и прямые тревожные вопросы: где предел подавления властями свободы слова и убеждений?

Воцарившийся тогда произвол цензуры задел и его лично: под предлогом безнравственности изъяли из продажи его повесть-дневник под латинским названием «*Vita sexualis*»¹. В качестве повода было использовано одиозно звучащее заглавие, хотя в действительности там абсолютно не было предполагаемой «непристойности».

¹ Сексуальная жизнь.

Огай осмеивал в этом произведении писателей-натуралистов, уделявших в его время преувеличенное внимание человеческим инстинктам, вместо того чтобы утверждать красоту и духовность человека, заложенное в нем добро.

В «срединный» период творчества Огая программным можно считать рассказ «Пусть так» (1912). В нем повествуется о молодом ученом Годзё Хидэмаро, который, подобно Огаю, окончил Императорский университет в Токио и завершал образование в Германии. Убежденный, что официальные историографы Японии занимаются пересказыванием мифов, Хидэмаро хочет написать подлинную историю, где не будет места рассуждениям о «божественном происхождении» нации и пр. Подобные намерения встречаются в штыки окружением Хидэмаро, и в первую очередь его отцом — высокопоставленным аристократом. Хидэмаро вынужден оставить свои научные замыслы, свою ретировку он мотивирует двумя словами: «Пусть так».

Произведения Огая конца 1900-х и самого начала 1910-х гг. окрашены философией, которую сам писатель именовал резиньяцией, или примирением. Не видя возможности реально влиять на события, он сознательно занял позицию «стороннего наблюдателя».

Новые горизонты творчества открылись с 1912 г., когда писатель перешел к созданию исторических повестей. По единодушному признанию критиков, они являются вершиной его творчества. В них Огай обратился к художествен-

ному исследованию нравов военно-феодалного дворянства, сословия самураев, из которого происходил сам.

Самурайство практически не имеет аналогий в мировой истории, европейское рыцарство демонстрирует лишь весьма отдаленное с ним сходство. Вплоть до 70-х гг. XIX века самураи составляли примерно четверть населения страны, хотя однородным это сословие отнюдь не было. Его внутренняя структура отличалась своей сложной иерархией. Об очень разном социальном и имущественном положении воинов можно составить себе представление по рассказам Огая, где детально описана система вознаграждения служилых людей, называются различные их ранги, четко определяются взаимные права и обязанности в отношениях между вассалами и сюзеренами.

Самураи в целом имели ряд привилегий, в отличие от крестьян, ремесленников и торговцев они носили фамильное имя, постоянно имели при себе оружие и могли даже безнаказанно убить представителя другого сословия. Все они проходили обучение в своих клановых школах. В первую очередь их учили, конечно, воинским искусствам, но учили и грамоте — отечественной и китайской, прививали навыки стихосложения, ибо в той системе культурных ценностей последнее считалось неперенным признаком развитого человека. Словом, поговорка «Среди цветов — вишня, среди людей — самурай» родилась не случайно.

Первоначальным толчком, побудившим Огая обратиться к самурайской тематике, послужило ритуальное самоубийство генерала Ноги Марэсукэ. В день похорон императора Мэйдзи (1912 г.) верный вассал Ноги (вместе с женой Сидзуко) «ушел вслед» за своим сюзереном. Верность господину в жизни и в смерти ставилась самурайским кодексом чести (*бусидо*) превыше всего.

Огай был глубоко взволнован поступком Ноги Марэсукэ, под началом которого ему довелось некогда служить. В нем всколыхнулись какие-то глубинные чувства, и чуть ли не за одни сутки он написал большой рассказ «Посмертное письмо Окицу Ягоэмона» (1912) — историю самурая XVII в., который покончил с собой вслед за смертью сюзерена — князя Хосокавы. Перед тем как совершить харакири, Окицу Ягоэмон составляет письмо, в котором завещает сыну, внукам и правнукам с честью служить их древнему роду. В декорациях токугавского времени Огай как бы проигрывал смысл жестокого средневекового обычая, получившего вдруг свой громкий резонанс и в XX в. Прямой оценки этого уникального обычая Огай не высказывает, но весь контекст рассказа свидетельствует, пожалуй, о его восхищении мужеством героя, из чувства долга добровольно обрывающего нить своей жизни.

Одни произведения исторического цикла посвящены периоду формирования феодализма (XVII—XVIII вв.), действие других («Мечь в Го-

дзиингахаре», «Инцидент в Сакаи») происходит позже — в середине XIX в. Все они основаны на документальном материале, свидетельствах-хрониках, хотя, конечно, Огай далеко превосходит в них рамки летописного жанра.

Исторические произведения Огая представляют собой энциклопедию самурайского быта. Читатель узнает из них, как одевался и причесывался средневековый воин, как лелеял свои острые мечи, каких правил придерживался на службе и в семье. Читатель словно присутствует на впечатляющей церемонии харакири — это зрелище не для слабонервных людей.

В последовавших один за другим исторических рассказах писатель снова и снова старается прояснить смысл обычаев феодального времени. После революции Мэйдзи самурайское сословие официально было упразднено, харакири и кровная месть запрещены. Однако выходцы из военно-феодального дворянства продолжали составлять наиболее влиятельный и образованный слой общества, они проявляли живую готовность «отвечать задачам современности».

Постепенно Огай отходит от одномерной трактовки морали «бусидо». Внимательное чтение убеждает читателя, что жестокому «кодексу чести» самураи следовали вынужденно, иного выхода в существовавших социальных условиях у них не было. Умирать в расцвете лет им было нелегко, но так повелевал «долг», впитанный с молоком матери. Совершенно очевидно, что эта мораль формировалась правящими слоями